

Глеб Морев

**«Я поэт, а не мятежник»: Иосиф Бродский
в литературно-общественном контексте
второй половины 1960-х годов**

Резюме: В статье прослеживается генезис литературной и общественной позиции Иосифа Бродского, сложившейся у него в середине 1960-х годов и заявленной в таких манифестарных текстах, как стихотворения «Народ» (1964) и «Одной поэтессе» (1965), а также в заявлении в Секретариат Ленинградского отделения СП РСФСР (1968). Прокламируемый Бродским «третий» путь, противоположный как официальному сервильизму, так и неконформистскому бунту против государства, приводил к столкновениям не только с официальными институциями советской литературы, но и с оппозиционными ей течениями. Анализ некоторых текстов Бродского второй половины 1960-х годов («Послание к стихам», заявление 1968 года) наряду с впервые вводимыми в научный оборот фактами его литературной биографии позволяет реконструировать ближайшие литературный и общественный контексты его творчества того времени и их значение в формировании уникальной социокультурной позиции Бродского в советском литературном поле конца 1960-х годов.

Ключевые слова: неофициальная поэзия, неконформизм, диссидентство, СМОГ, КГБ

1.

Утром 2 октября 1965 года, почти месяц спустя после удовлетворения Верховным судом РСФСР протеста первого заместителя генерального прокурора СССР М. П. Малярова по его делу (4 сентября), Иосиф Бродский вернулся в Ленинград в статусе свободного гражданина. Закончилась длившаяся все полтора года его высылки эпопея, связанная

с борьбой за отмену или пересмотр решения народного суда Дзержинского района города Ленинграда от 13 марта 1964 года, приговорившего его к высылению из Ленинграда сроком на пять лет «в силу Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 4 мая 1961 года „Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни”» (Эйдельман 2007: 159).

Досрочное прекращение срока высылки Бродского было воспринято советской общественностью не только как победа либеральных сил над консерваторами, но и, в более широком контексте, как признание и исправление государством совершенной им ошибки. Несмотря на половинчатый характер этой победы (Бродский не был реабилитирован, то есть признан изначально невиновным) и ее локальный характер (синхронно освобождению Бродского, в начале сентября, КГБ в Москве были арестованы А. Д. Синаевский и Ю. М. Даниэль, а также проведено изъятие тайного архива А. И. Солженицына), освобождение Бродского не могло не быть записано обществом в свой «актив» — с конца 1963 года в «дело Бродского» было инвестировано беспрецедентно много усилий — столь же беспрецедентно широким кругом советской «творческой интеллигенции».

Широта рядов защитников Бродского определялась тем, что в общественном восприятии его «дело» интерпретировалось как «какое-то недоразумение»¹: его фигурант не представлял человеком, связанным с направленной против советской власти деятельностью, а сам процесс был, таким образом, выключен из политического контекста борьбы с «антисоветской агитацией и пропагандой» — в противном случае защита преследуемого была бы в советских условиях не только безнадежной, но и высоко рискованной, что неизбежно сузило бы круг вступающих за Бродского до минимума, если бы не свело к нулю.

Сложившееся в обществе восприятие «дела Бродского» было следствием недальновидной стратегии инициировавших преследование поэта сотрудников Управления КГБ по Ленинграду и Ленинградской области. Решение о высылении Бродского из Ленинграда «как тунеядца» было принято органами госбезопасности весной 1962 года и

1 Из письма Н. И. Грудининой Н. Р. Миронову от 23 октября 1964 года (цит. по: Морев 2026: 83).

фактически оформлено 11 июля — в виде рекомендации заместителя начальника 2 отдела (контрразведка) ленинградского УКГБ полковника П. П. Волкова. Основанием для применения к Бродскому такого рода сценария (выселения через указ от 4 мая 1961 года) стала полученная КГБ в январе 1962 года информация о существовавших у Бродского и его приятеля Олега Шахматова планах угона пассажирского самолета из СССР в Иран². В ходе следственных действий в конце января того же года (включавших в себя обыск в квартире Бродского и его кратковременный арест и допросы в Большом доме) сотрудникам ленинградского УКГБ стали очевидны, с одной стороны, реальность вынашивавшихся Бродским и Шахматовым намерений, а с другой — невозможность подтверждения их в уголовном суде за отсутствием «объективных» (то есть вовремя полученных самим КГБ оперативным путем) доказательств (помимо признания самих несостоявшихся угонщиков в наличии в прошлом «фантазий» об угоне). В сложившейся достаточно типовой для органов госбезопасности ситуации, когда их уверенность в нелояльности граждан к существующему режиму не могла быть подтверждена в судебном порядке, в ход шли «паллиативные» методы, одним из которых было обвинение в «тунеядстве». При этом начатая поздней осенью 1963 года (с помощью фельетона «Окололитературный трутень» в газете *Вечерний Ленинград*) медийная подготовка к осуждению Бродского как тунеядца, во-первых, полностью игнорировала изменения его социального статуса по сравнению с началом 1962 года — то есть де факто начатую им деятельность профессионального литератора, — а, во-вторых, в силу закона о государственной тайне, табуировавшего любое упоминание об оперативной деятельности органов госбезопасности, оставляла за скобками иницилирующую роль КГБ в его преследовании, позволяя общественности предполагать, что дело Бродского есть плод инициативы не государства, но неких «активистов», «дружинников» и/или персонально обиженного им руководства ленинградского отделения Союза писателей. В отсутствие авторитетного и внушающего опасения источника (каковым для советских граждан, несомненно, был бы Комитет государственной безопасности СССР), сведения о планах угона самолета

2 Подробное см.: Морев 2026: 12–27.

та — центральный пункт реальных, а не сфабрикованных обвинений против Бродского, никак не предъявленный ему в суде по указанным выше причинам, — выглядели для публики «дешевым детективом» и «пародией»³, то есть — в исполнении журналистов *Вечернего Ленинграда* — не вызывали доверия. Выдвинутые же против Бродского официальные обвинения в тунеядстве легко опровергались документально и смотрелись крайне неубедительно, что позволяло даже высокопоставленным членам советской писательской номенклатуры оценивать процесс над поэтом как «комедию», «подрывающую авторитет советского суда»⁴, и, более того, подвергать сомнению справедливость произошедшего с Бродским печатно⁵. В этих условиях общественная защита Бродского воспринималась не как *соучастие* в его (потенциальной) антисоветской деятельности, преследуемой государством в лице КГБ, но как помощь в восстановлении пострадавшей от действий недобросовестных, но влиятельных *частных лиц* «социалистической законности» и в поддержании престижа судебных органов. Такая безопасная в политическом смысле платформа позволила объединить максимально широкий круг сочувствовавших поэту людей, не ограничивая его «либеральной» фракцией Союза писателей.

3 По выражению прозаика Игоря Ефимова из письма в газету *Вечерний Ленинград* (декабрь 1963; Морев 2026: 71).

4 Из письма кандидата в члены ЦК КПСС и депутата Верховных советов СССР и РСФСР А. А. Суркова генеральному прокурору СССР Р. А. Руденко от 23 мая 1964 года (Там же: 73).

5 Мы имеем в виду очерк секретаря правления СП СССР Н. М. Грибачева «Бегство на Усуг», вступление к которому включало следующий иронический пассаж: «А у нас на Руси в одной из областей некоего литератора хотели судить общественным судом, как тунеядца, как раз за то самое, что он писание книг попытался возвести в профессию. Там размыслили так, что стишки и прочее того же рода в семнадцать лет пишут все, а как на возраст взошел, то уж и служи, или у станка действуй, или землю паши, на бумагомарание же и вечера достаточно, в крайнем случае ночь и выходной день еще есть» (Грибачев 1964: 1). Закамуфлированный выпад Грибачева не остался незамеченным в близком к Бродскому кругу — 4 июля 1964 года А. И. Зайцев сообщал Бродскому в Норинскую: «Попадает ли к Вам „Литературная газета“? 27 июня в ней была напечатана статья Грибачева, начало которой я не могу с уверенностью истолковать. Если Вы не обратили на нее внимание, попробуйте разобраться!» (ОР РНБ. Ф. 1333. Оп. 1. Ед. хр. 506. Л. 106). Осенью 1964 года именно Грибачев посоветовал Н. И. Грудниной обратиться за помощью в деле Бродского к Н. Р. Мионову (см. прим. 7).

На масштабности общественной поддержки Бродского в СССР и протестов против вынесенного ему приговора делался поначалу основной акцент при освещении зарубежной прессой суда над поэтом. Беспрецедентно широкий и энергичный характер движения в защиту Бродского породил на Западе представление о том, что такое движение не может не иметь благоприятного для поэта исхода. Результатом этих социополитических иллюзий явился устойчивый в западных медиа в июле–ноябре/декабре 1964 года слух об освобождении Бродского из ссылки как следствии «реакции общественного мнения и на Западе, и в нашей стране»⁶. Реальное освобождение Бродского в сентябре 1965-го, вызванное совершенно не зависевшими от общественного мнения в СССР и на Западе причинами⁷, было неизбежно вписано в тот же общественный контекст. Более того, для ленинградского литературного сообщества оно явилось финальной точкой в начавшемся вскоре после ареста Бродского среди ленинградских писателей реактивном процессе, кульминировавшем в январе 1965 года на отчетно-выбор-

6 Из передачи Радио Свобода «Тираны и поэты», 10 июля 1964 года. Аудиоматериал доступен по ссылке: <https://www.svoboda.org/a/27031222.html>. Весной 1965 года французский журнал *Esprit*, исходя из априорной идеи значимости общественной реакции по делу Бродского для советских властей, выдвинул версию о том, что слух об освобождении Бродского был инициирован ими с целью «успокоить некоторые неудобные для них проявления негодования на Западе и, возможно, чтобы смягчить беспокойство или недовольство в некоторых кругах советской интеллигенции» (Forgues 1965: 533; благодарим Кристину Константинову за указание на этот материал).

7 Решающей для пересмотра приговора Бродскому стала информация об осуждении его по административной, а не по уголовной (70-й) статье, донесенная осенью 1964 года Н. И. Грудиной до заведующего Отделом административных органов ЦК КПСС Н. Р. Миронова, ранее введенного, очевидно, в заблуждение ленинградским УКГБ. Только после ее получения, 3 октября им была инициирована проверка дела Бродского со стороны генпрокуратуры, Верховного суда СССР и центрального аппарата КГБ. 7 декабря 1964 года комиссия, проверявшая дело Бродского, заключила, что «достаточных законных оснований применения к Бродскому У. А. Указа „Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими паразитический образ жизни“ не имелось» (Эдельман 2007: 159; см. также: Морев 2026: 79–83). Оставшееся до освобождения Бродского время заняли усилия Москвы по утверждению вывода комиссии в неподконтрольном ленинградским властям и местному КГБ Верховном суде РСФСР, поиски «нереабилитирующей» формулировки, позволяющей освободить Бродского на фоне советской и международной кампании в его защиту с «сохранением лица» государства, и ожидание очереди в загруженном делами Верховном суде (см.: Эдельман 2007: 167).

ном собрании ЛО СП РСФСР, на котором А. А. Прокофьев, бывший одним из послушных КГБ реализаторов задуманного госбезопасностью сценария по изоляции Бродского⁸, был смещен с поста руководителя ленинградской писательской организации. Новое руководство ЛО СП РСФСР в лице М. А. Дудина (первого секретаря) и Д. А. Гранина (второго секретаря) с учетом писательских настроений заняло по отношению к поэту противоположную позицию: так, в частности, в августе 1965 года Дудин и Гранин были в Москве на приеме у ответственного за вопросы культуры секретаря ЦК КПСС П. Н. Демичева с целью убедить того способствовать скорейшему освобождению Бродского из ссылки⁹. По свидетельству Я. А. Гордина, после возвращения из Москвы Дудин и Гранин пригласили его и И. М. Ефимова на прием в Секретариат ЛО СП РСФСР, где Гранин заявил: «Мы хотим, чтоб вы знали — мы сказали в Москве, что не можем нормально руководить Ленинградским отделением, пока не решен вопрос с Бродским»¹⁰.

Эти обстоятельства, позволявшие известной части ленинградской писательской организации воспринимать возвращение Бродского в родной город как *законный* результат ее общественной позиции и чаяний, открывали перед поэтом новые возможности литературной социализации.

8 Бывший сотрудник ЧК–ОГПУ, в 1930 году «перешедший на работу в литературу», по выражению одного из представителей ленинградского УКГБ в 1972 году (см.: Новая газета. 2008. 1 февраля. № 4), А. А. Прокофьев и в 1960-е, очевидно, сохранял прямые контакты с КГБ и в деле Бродского, следуя инструкциям органов, обеспечил гарантированную реализацию их сценария с высылкой поэта как туземца. Именно по инициативе Прокофьева Секретариат Правления ЛО СП РСФСР 17 декабря 1963 года отказался от рассмотрения дела Бродского на товарищеском (общественном) суде писателей (с непредсказуемым из-за симпатий некоторых из них к Бродскому результатом) и вернул дело в прокуратуру для рассмотрения в подконтрольном УКГБ районном («народном») суде.

9 Демичев, по свидетельству Л. К. Чуковской, «при них звонил в Верховный Суд РСФСР с просьбой ускорить дело» (Чуковская 2010: 255).

10 Из письма Я. А. Гордина автору от 16 марта 2026 года. После Н. Р. Миронова, погибшего в конце 1964 года, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарь ЦК П. Н. Демичев был самым высокопоставленным советским чиновником, персонально вовлеченным в дело Бродского. Судя по тому, что процесс подготовки решения Верховного суда по этому делу активизировался 31 августа (см.: Эдельман 2007: 167; Морев 2026: 178), представляется, что именно личное обращение Демичева сыграло здесь решающую роль.

2.

Через неделю после приезда в Ленинград, 9 октября 1965 года по рекомендации членов секции художественного перевода ЛО СП РСФСР Бродский подает заявление о приеме в «группком писателей при местном комитете ЛО ССП РСФСР» (Морев 2026: 186). 26 октября заявление Бродского было удовлетворено. Через месяц, 25–27 ноября Бродский — не в качестве переводчика, а в качестве оригинального поэта — уже принимает участие в трехдневной IX Межобластной конференции молодых писателей Северо-Запада РСФСР.

Проводимые с 1947 года (раз в два года) конференции молодых писателей Северо-Запада в системе советской литературы были одной из важных карьерных ступеней на пути из литературных объединений (ЛИТО) к членству в Союзе писателей. По итогам выступлений на конференции некоторым из авторов могли быть выданы рекомендации для дальнейшей публикации их произведений в периодике и/или отдельными изданиями. Именно на затруднениях с выходом к читателю молодых авторов делает акцент, анонсируя проведение конференции 1965 года, одна из ее организаторов, секретарь правления ЛО СП РСФСР Вера Кетлинская в интервью *Литературной газете*:

Нас <руководство ЛО СП РСФСР. — Г. М.> тревожило, что молодые литераторы иногда подолгу не печатаются. Если начинающий прозаик или поэт не имеет выхода к читателю и обсуждает свои произведения только в литературном объединении, в тесном кругу друзей, возникает известное сужение задач, какая-то односторонность — и тематическая, и стилевая. Когда молодой писатель выходит к широкому читателю, он получает живые отклики, перед ним возникают новые темы. [...]

25–27 ноября мы проведем традиционную межобластную конференцию молодых писателей. В этом году в ней будут участвовать литераторы из ряда соседних областей, из Карелии, Калининграда, возможно, русские писатели Прибалтики. Конференция, как всегда, будет носить характер учебно-творческий. Основное время уделяется обсуждению произведений молодых на семинарах прозы и поэзии. Впервые организуются семинары для публицистов и литераторов, пробующих свои силы в об-

ласти научной фантастики. Думаю, что старшие товарищи по перу, опытные писатели Ленинграда примут участие в этой большой работе¹¹.
(Кетлинская 1965)

Приглашению к участию в конференциях предшествовала работа отборочной комиссии ЛО СП РСФСР. Понятно, что участие в подобном мероприятии Бродского — менее двух месяцев спустя после возвращения из ссылки в Ленинград — очевидным образом миновало все предварительные процедурные этапы и стало возможным исключительно потому, что отражало стремление руководства ленинградского СП к «нормализации» ситуации с ним путем скорейшей ее адаптации к стандартному для «молодого» советского автора публикационно-му механизму. Немаловажно, что такого рода стремление ощущалось «номенклатурными» членами ЛО СП РСФСР как «легитимное», то есть идущее не вразрез, а в унисон с действиями государства по исправлению допущенной по отношению к Бродскому ошибки. С другой стороны, намерения руководства ЛО СП РСФСР находили понимание и у самого Бродского, желавшего по возможности встать — уже в ином, нежели до ссылки, статусе — на путь профессиональной социализации в СССР, необходимый для участия в печатной жизни в качестве поэта. «Внеидеологичность» этого биографического выбора в советских условиях подчеркивалась демонстративным предпочтением Бродским членства в литературском «профсоюзе» (группоме) — попыткам вступить непосредственно в Союз писателей¹² (он неизменно пишет его название на старый — до 1954 года — лад: Союз советских писателей, ССП), организацию, членство в которой предполагало лояльность по-

11 Работа запущенного участием в конференции молодых авторов карьерного механизма хорошо видна на примере 32-летней ленинградской поэтессы Раисы Вдовиной: в газетном отчете о конференции 1965 года она названа ее «самым большим поэтическим открытием» (Дробот/Кривцов 1965); первая публикация Вдовиной состоялась в следующем номере той же *Литературной России* (Вдовина 1965) с предисловием руководителя ее семинара на конференции поэта и члена правления ЛО СП РСФСР Сергея Орлова; вскоре после этого Вдовина становится членом СП.

12 В беседе с американским поэтом Стэнли Кьюницем в апреле 1967 года Бродский, по словам Кьюница, говорит о своем членстве в профсоюзе литераторов (группоме) «с видимой гордостью» (“with a show of pride”), отмечая, что разговор о членстве в СП он предпочитает оставить до публикации книги стихов (Kunitz 1967).

литике Коммунистической партии. Благожелательность со стороны официальных писательских институций после возвращения из ссылки позволяла Бродскому рассчитывать на возможность реализации декларируемого им («Одной поэтессе», 1965) «третьего» пути в литературе — равно далекого и от сервилизма, и от оппозиционности.

1 декабря 1965 года Л. К. Чуковская записала в дневнике: «На днях он <Бродский> с успехом выступал в Союзе <писателей> на семинаре молодых; все хвалили; Кетлинская [...] в восторге и обещает напечатать стихи» (Чуковская 2010: 264).

В. К. Кетлинская, ранее публично полемизировавшая с А. А. Прокофьевым относительно «дела» Бродского¹³, была на тот момент ответственным редактором альманаха *Молодой Ленинград*, созданного в «оттепельном» 1956 году и призванного, как сказано в том же интервью Кетлинской *Литературной газете*, «организовать наши молодые литературные силы» — прежде всего решая проблему «выхода к читателю». Данное Кетлинской Бродскому обещание, несомненно, имело в виду редактируемое ею издание и было выполнено: два стихотворения Бродского («Я обнял эти плечи и взглянул...» и «Обоз») появились в следующем выпуске *Молодого Ленинграда* (1966).

О выступлении Бродского на итоговом заседании ленинградской конференции в Белом зале Дома писателя им. Маяковского вспоминал позднее поэт Юрий Кобрин (упомяная в третьем лице и себя):

В 1965 году мы с ним были в одной группе на [...] конференции молодых писателей Северо-Запада в Ленинграде. И на заключительном Пленуме от нашего семинара, а их было больше десятка, читали стихи с трибуны Иосиф Бродский, Александр Морев и Юрий Кобрин¹⁴. (Кобрин 2012)

13 Это произошло на отчетно-выборном собрании партийной организации ЛО СП РСФСР 21 мая 1964 года. Стенограмму диалога Кетлинской и Прокофьева см.: Золотосов 2013: 632.

14 По свидетельству Ю. Л. Кобрин (в личной переписке с автором), Бродский участвовал в поэтическом семинаре под руководством Надежды Поляковой и Александра Кушнера. В советской социальной метафорике понятие «молодой автор» имело в виду не возраст, а, прежде всего, положение относительно членства в Союзе писателей — поэтому 42-летняя Н. М. Полякова и 29-летний А. С. Кушнер — как члены СП РСФСР — могли

Показательно, что упоминаемые здесь (помимо Бродского) авторы персонифицируют две основные литературно-биографические стратегии в литературном поле СССР, своего рода развилку, которая возникала перед входившей в середине 1960-х годов в литературу молодежью. Ленинградец Александр Морев (Пономарев) дебютировал в «большой» печати одним стихотворением в том же, вышедшем через год после IX конференции молодых авторов Северо-Запада, выпуске альманаха *Молодой Ленинград*, где были опубликованы и стихи Бродского; к началу 1970-х полностью ушел в неподцензурную литературу и самиздат; покончил с собой в 45-летнем возрасте в 1979 году. Живший в Вильнюсе Юрий Кобрин, напротив, в 1966 году начал карьеру советского поэта, выпустив первый сборник стихов; в 1968 году стал членом Союза писателей, в 1973-м — сотрудником Госкомиздата Литовской ССР; к началу перестройки был автором пяти книг.

«Третий» путь Бродского — обозначенный в стихах «Одной поэтессе» путь поэта, сосредоточенного на разработке и обогащении языка, благодаря которому он становится «рупором» создавшего этот язык «народа» (ср. «Народ», 1964)¹⁵, — предполагал отказ от подобной дихотомии.

3.

Главенствующими элементами ценностной этико-эстетической системы, впервые провозглашенной Бродским в декабре 1964 года в стихотворении «Народ» и позднее эксплицированной в его заявлении в Секретариат ЛО СП РСФСР от 11 июля 1968 года, являются «народ» и его «суд» над поэтом, предполагающий «установление между мной <поэтом. — Г. М.> и публикой отношений, лишенных какого-либо посредничества, а именно: отношений между автором и его читателями»¹⁶. Только «перед народом и перед настоящим и будущим временем», по мысли Бродского, отчитывается поэт. Прерогатива суждения

наравне выступать в качестве «наставников» для «внесоюзной» литературной «молодежи» (среди которой, по сообщению *Литературной России* был, например, 41-летний писатель из Петрозаводска Виктор Соловьев, см.: Дробот/Кривцов 1965).

¹⁵ Подробнее см.: Морев 2026: 184–185.

¹⁶ Там же: 203.

о его стихах также принадлежит «народу» (ср. в стих. «Народ»: «Пусть возносит народ — а других я не знаю судей»; Бродский 2012: II, 244) — посредники в виде цензурных или иных бюрократических институций не вправе лишать поэта возможности доступа к читателю здесь и сейчас. Время — на стороне поэзии: «стихи — вещь живучая, почти огнеупорная. Пройдет время, и народ скажет о них свое слово. Но мне хотелось бы, чтобы эта возможность была предоставлена ему сегодня, ибо тем самым мне будет предоставлена возможность его услышать», — пишет в заявлении Бродский¹⁷.

С конца 1965-го до первой половины 1968 года Бродский рассматривает существующие в рамках системы советской литературы возможности как потенциально могущие способствовать налаживанию его коммуникации с читателем. Это касается как начатой фактически сразу после возвращения из ссылки подготовки книги стихотворений *Зимняя почта* к изданию в Ленинградском отделении издательства «Советский писатель»¹⁸, так и публикаций в литературной периодике¹⁹ и публичных выступлений²⁰. В желании получить доступ к аудитории Бродский тестирует все наличные возможности: так, по воспоминаниям журналиста В. С. Правдюка, в 1966-м или 1967 году Бродский пробовал принять участие в популярной телепрограмме «Поэтический

17 Там же: 204.

18 В цитированной записи от 1 декабря 1965 года, Л. К. Чуковская отмечает, что Бродский «был у <А. И.> Гитовича, который отбирает с ним его стихи для книги» (Чуковская 2010: 264). Отметим, что официально рукопись была представлена в издательство в декабре 1965 – январе 1966 года.

19 Помимо публикаций в *Молодом Ленинграде* (1966) и ленинградском *Дне поэзии* (1967), известны попытки Бродского напечататься в *Звезде*, *Юности* и *Новом мире* (см.: Морев 2026: 238–240). К 1967 году относится также неосуществившаяся публикация в *Литературной Грузии* (стихи Бродского планировал опубликовать заместитель главного редактора Б. Л. Гасс; однако в июле–августе 1967 года он оставил свой пост в журнале: см. его недатированное письмо Бродскому [декабрь 1967/январь 1968]: ОР РНБ. Ф. 1333. Оп. 1. Ед. хр. 578. См. также: Гасс 2012: 55).

20 Помимо выступления на IX Межобластной конференции молодых писателей Северо-Запада РСФСР известны публичные чтения Бродского в Фундаментальной библиотеке общественных наук (ФБОН), в Союзе писателей СССР, в общежитии Московского высшего технического училища им. Баумана, в Коммунистической аудитории МГУ (первая половина 1966 года; см.: Сергеев 1997: 440–441; Чупринин 2020: 989–991); в Ботаническом институте им. В. Л. Комарова в Ленинграде (начало лета 1966 года; см.: Лосев 1980: 24).

турнир», выпускавшейся в прямом общесоюзном эфире основанной в 1965 году молодежной редакцией «Горизонт» Ленинградского телевидения — дело дошло до визита Бродского в телецентр на улице Чапыгина, 6 и обсуждения с Правдюком (он был ведущим программы) текстов для выступления²¹.

Предваряющая формулировки заявления 11 июля 1968 года уверенность Бродского в том, что его стихи, вопреки неблагоприятным вне-литературным обстоятельствам, препятствующим их обнародованию, найдут дорогу к читателю, формирует стихотворение, написанное им годом ранее — за два дня до 27-летия — «Послание к стихам»:

[...] Вы и краше и добрей. Вы тверже
 тела моего. Вы проще
 горьких моих дум — что тоже
 много вам придаст сил, мощи.

Будут за всё то вас, верю,
 более любить, чем ноне
 вашего творца. Все двери
 настежь будут вам всегда. Но не
 грустно эдак мне слыть нищу:
 я войду в одне, вы — в тыщу.
 (Бродский 2012: I, 186)

Как отметила М. А. Бобрик²², эпиграф из Кантемира к «Посланию к стихам» — «Скучен вам, стихи мои, ящик...» (из «Письма II. К стихам своим», 1743) — включен Бродским в ткань собственного стихотворения, первая строка которого («Не хотите спать в столе. Прытко...») продолжает взятую эпиграфом строку Кантемира. Представляется, что природа такой отчетливой самоидентификации с поэтом XVIII века в тексте, имевшем вполне программный для Бродского характер, до

21 Видеоинтервью с В. С. Правдюком, 11 июля 2025 года. Архив Музея Иосифа Бродского «Полторы комнаты», Санкт-Петербург. Благодарим Юлию Сенину за возможность ознакомиться с этим материалом.

22 Запись в фейсбуке (<https://www.facebook.com/marina.bobrik.39>) от 30 января 2026 года.

сих пор не прояснена. Помимо уже отмеченного исследователями²³ интереса Бродского к русской поэзии XVIII века и, в частности, к Кантемиру (см. «Подражание сатирам, сочиненным Кантемиром», 1966), решающую роль играет здесь, на наш взгляд, акцент на «биографической» общности автора с поэтом прошлого.

С уверенностью можно утверждать, что представление о поэзии и биографии Кантемира сложились у Бродского из чтения тома Кантемира в Большой серии Библиотеки поэта, выпущенного в 1956 году — первого советского издания стихов Кантемира и единственного издания Кантемира, легко доступного Бродскому.

В свою очередь в аппарате этой книги внимание Бродского не могло не привлечь описание эдиционной судьбы произведений Кантемира, открывающее комментарии З. И. Гершковича:

Поэтические произведения А. Д. Кантемира при жизни автора не были изданы. Связанный служебным положением, он не мог напечатать собственные сочинения без разрешения императриц — Анны Иоанновны, а затем Елизаветы Петровны. Добиться такого разрешения Кантемиру не удалось. Отсутствие печатного издания не помешало тем не менее широкому распространению произведений сатирика. В сотнях списков сатиры Кантемира разошлись по стране и, по свидетельству Ломоносова, были «в российском народе с общей апробациею приняты» [...] (Кантемир 1956: 431)

Наличие очевидных параллелей с судьбой собственных стихотворений, не находивших издателя на родине, и позволило Бродскому взять за основу текст Кантемира, посвященный печальной судьбе его покуда «народу неизвестны<х>» (Там же: 219)²⁴ стихов и их будущей славе среди читателей, и написать современную вариацию на кантемировскую тему — апеллируя к общности обстоятельств включением строки Кантемира в свой текст.

23 См. комментарии Л. В. Лосева (Бродский 2012: 488–489), а также: Ранчин 2001: 99; Николаев 2013: 394–395.

24 Заметим, что у Кантемира, как и у Бродского, многократно фигурирует «народ» — в качестве лексемы, обозначающей читательскую аудиторию.

Актуальный социально-политический подтекст обращения Бродского к Кантемиру был отмечен в свое время Ричардом Д. Сильвестром:

But it is clear from the opening lines that the poem is also a sophisticated treatment of the theme of “writing for the desk drawer” (almost none of Brodsky’s work has been published in the Soviet Union), and shows how Brodsky’s poetry always contains the potential for commentary on contemporary themes. And this makes it very much a twentieth-century text.

(Sylvester 1975: 314–315)

Развивая наблюдение Сильвестра, можно сказать, что текст Бродского, чьи стихи, говоря словами автокомментариев Кантемира (также, несомненно, известных Бродскому), знают лишь «темноту ящика, в котором [...] до сих пор лежали, знакомы двум или трем только приятелям» (Кантемир 1956: 219), парадоксальным образом построен при этом на идейном отрицании метафоры «писать в стол».

Эта принципиальная устремленность к аудитории, предполагавшая, как мы увидим далее, тактическое использование на своих условиях разных — в том числе в политическом смысле — медиумов между поэтом и читателем, отличала Бродского от авторов, так же, как и он, испытывавших в середине 1960-х годов трудности с публикацией своих текстов в СССР.

4.

Традиционно тема литературного противостояния или «соперничества» применительно к Бродскому советского периода раскрывается с помощью сопоставления его или с фигурами звезд «эстрадной поэзии» 1960-х — прежде всего, Евтушенко и Вознесенским, или с Леонидом Аронзоном, его собратом по ленинградской неофициальной культуре.

В высшей степени пристрастно-ревнивое отношение Бродского к «шестидесятникам» — лидерам официальной поэтической сцены, позволяющее говорить об их восприятии Бродским как «соперников», было предопределено началом его поэтической карьеры под знаком «преемничества» у Ахматовой и энергично утверждаемым ею с нача-

ла 1960-х годов (не в последнюю очередь — в пику советской литературной «табели о рангах») нарративом о Бродском как «первом поэте» СССР²⁵. Несопоставимость социальных статусов и легальных литературных возможностей звезд советской поэзии и Бродского придавало этим отношениям болезненный для Бродского характер (несмотря на внешнюю дружелюбность личных связей, например, с Евтушенко). Предполагающаяся соперничеством конкуренция символических капиталов Бродского и упомянутых советских поэтов была возможна лишь в пространстве, где Бродский был публикуем наравне с ними — то есть на Западе (в поле и эмигрантской русской культуры, и в западном литературном мире). Внутри Советского Союза представление о Бродском и, скажем, Евтушенко как «соперниках» до выезда Бродского из СССР могло разделяться лишь крайне немногочисленным кругом друзей и поклонников самого Бродского и не являлось «литературным фактом».

Представление о «соперничестве» Бродского и Аронсона есть позднейший историко-культурный конструкт, возникший в среде ленинградской «второй культуры» в середине 1970-х годов с целью создания ее минующего Бродского альтернативного генезиса. В противовес тотальному лидерству и мировой славе Бродского как выходца из неофициальной культуры Ленинграда постфактум (и *post mortem*) выдвигалась другая, энергично канонизируемая лидерами «второй культуры» (прежде всего, Еленой Шварц и Виктором Кривулиным), поэтическая фигура. Очевидно, однако, что при жизни Аронсона он, по крайней мере со второй половины 1960-х годов, не воспринимался Бродским как значимый участник литературной жизни, не говоря о «конкуренции»²⁶.

А. Я. Сергеев, ближайший друг Бродского в 1960-е – начале 1970-х годов и чуткий участник и наблюдатель московской — официальной и неофициальной — литературной жизни, вспоминая выступление Бродского на секции перевода в московском Союзе писателей в 1966 году, пишет:

25 Подробнее см.: Морев 2026: 39–58.

26 Подробное сопоставление поэтик, а также анализ отношений Бродского и Аронсона см.: Азаренков 2025: 199–212.

[...] читает Бродский. Присутствуют переводчики и не меньше интересных. <...> он начал с тем же напором, как и в два описанных раза <в Бауманском институте и в ФБОН. — Г. М.>. И споткнулся. Потому что встретил непонимание, отчуждение. Прошибить аудиторию не удалось. Кроме того здесь сидели живые литературные оппоненты — СМОГи. Губанов, когда потом было обсуждение, пытался убивать Бродского совсем по-советски, что было весьма неожиданно. [...] Лианозовцы тоже Иосифа не любили — это еще очень мягко сказано — за то, что он другая эстетика, но столкновений не бывало. (Сергеев 1997: 441)

Так называемая «Лианозовская школа» в лице одного из ярчайших ее представителей поэта Яна Сатуновского проделала эволюцию в отношении к Бродскому, характеризовавшуюся переходом от восторженности (в момент нахождения поэта в ссылке) к отчужденной иронии, если не сарказму (в момент выезда Бродского из СССР)²⁷. Определяющим критерием оценки здесь были не только, как справедливо указывает Сергеев, эстетические расхождения, но и приобретение Бродским статуса международной знаменитости и упрочение его литературной карьеры: с точки зрения Сатуновского, социальное признание применительно к искусству, существующему в СССР, является фактором, девальвирующим художественную ценность явления. Эта логика «неуспеха» в равной степени распространяется как на официальную, так и на неофициальную культуру (поэтому в том же вызывающем отторжении ряду рядом с Бродским стоит у Сатуновского к началу 1970-х и Солженицын, эволюция отношения к которому проделала тот же путь, что и к Бродскому²⁸). Реальность «подлинного» (на языке лианозовцев — «барачного», андеграундного) искусства для Сатуновского никак не пересекается с реальностью благополучно существующей во внешнем мире ущербной культуры — «лианозовцы» и Бродский, с точки зрения участников школы, принадлежат к разным мирам, существую-

27 Мы имеем в виду упоминающие Бродского стихотворения Сатуновского «Архангелы — евреи, говорит Сапгир...» (1964) и «Как странно, что все они поэты...» (1972).

28 Ср. стихотворения Сатуновского «Перечитываю снова и снова...» (1963) и «Опять чего-то гомонят из-за границы...» (1973).

щим автономно друг от друга²⁹; это предопределяет отмеченный Сергеевым факт отсутствия столкновений.

Иным был случай СМОГа.

СМОГ («Самое молодое общество гениев»; другой вариант расшифровки: «Смелость, Мысль, Образ, Глубина») — литературное сообщество, впервые (с рубежа 1930-х годов) заявившее о себе в советской литературе как о «литературной группе»³⁰, сложившееся в Москве в конце 1964-го – январе 1965 года и во многом наследовавшее формам публичной литературно-гражданской активности на площади Маяковского в 1958–1961 годах³¹. Круг СМОГа составляли, с одной стороны, молодые поэты (Леонид Губанов, Владимир Алейников, Владимир Батшев, Юрий Кублановский и др. — все на шесть-семь лет младше Бродского), с другой — формально не входившие в объединение, но тесно связанные с его участниками ветераны «площади Маяковского» — в частности, Юрий Галансков и Владимир Буковский (сверстники Бродского).

Уже первые акции, предпринятые смогистами, «выглядели более эпатажными и политически более рискованными, чем то было тремя-пятью годами раньше <на площади Маяковского>». Так, в апреле 1965 года смогисты устроили у Центрального дома литераторов шествие под лозунгами „Лишим соцреализм невинности!“ и „Спорем пуговицы цензуры со сталинского френча советской литературы!“ (Зубарев и др. 2005: 14).

20 июня 1965 года деятельность СМОГа подверглась критике в специально посвященном литературной группе фельетоне *Комсомольской правды* (Лиходеев 1965). Хроника акций смогистов и их преследований властями регулярно велась в русской зарубежной и

29 Ср. в позднем (1991) интервью Вс. Н. Некрасова В. Г. Кулакову в контексте разговора о негативном отношении лианозовцев к Бродскому: «В Лианозове постоянно были попытки теоретического радикализма: как только ребята почувствовали, что у них получилось что-то необычное — они тоже попытались соорудить платформу: всё остальное, которое не такое — оно вообще никуда» (Зыкова/Пенская 2022: 121).

30 Ср.: «Предшествовавшие смогистам в московской неофициальной поэзии лианозовцы и поэты круга Л. Черткова как о литературных группах о себе никогда не заявляли» (Кулаков 1999: 275).

31 См. об этом: Поликовская 1997.

иностранный прессе³². Не будет преувеличением сказать, что в 1965–1966 годах деятельность группы СМОГ являлась, наряду с творчеством Бродского, самым резонансным и в СССР, и на Западе явлением неконформистской советской литературы. Это обстоятельство «объективно» делало их конкурентами — во всяком случае, в поле неподцензурной поэзии.

Одним из лозунгов уличной акции СМОГа 14 апреля 1965 года был призыв «Свободу Бродскому!» (Батшев 2009: 71) — не удивительно, что прилетевший из Архангельска в Москву 23 сентября Бродский, по-видимому, в один из дней проведенной в Москве до возвращения в Ленинград недели встретился со смогистами. Именно неожиданностью появления только что освобожденного Бродского в Москве и оперативностью его знакомства со смогистами мы объясняем ошибку памяти дружественной СМОГу руководительницы поэтического семинара при московской библиотеке имени Фурманова М. М. Шур, рассказывающей о встрече смогистов «с нелегально приехавшим в Москву Иосифом Бродским» (Сенкевич 1992: 36–37)³³. По воспоминаниям затрудняющегося в определении точной даты Ю. М. Кублановского, эта встреча произошла в квартире В. П. Голышева у Тишинского рынка, где гостил Бродский: «Мы там читали ему стихи, он очень благожелательно с нами беседовал. Сам он был старше меня на 7 лет, он казался мне мэтром, тем более, человеком, отбывшим ссылку [...] <Читали> я, Губанов, Аркадий Пахомов, Володя Алейников — человек пять-шесть»³⁴.

32 Выпускаемые в самиздат тексты смогистов перепечатывал журнал *Грани* (1965, № 59; 1966, № 60, 61); информацию об акциях СМОГа давал журнал *Посев* и западные медиа (частичную перепечатку этих материалов см.: Зубарев и др. 2005). Каналом связи между СМОГом и зарубежной печатью был открыто публиковавшийся на Западе с 1962 года В. Я. Тарсис — до начала 1966 года являвшийся неформальным центром неофициальной московской литературно-общественной жизни и покровительствовавший СМОГу (в «манифесте» которого он был назван среди «наших учителей» (СМОГ 1966: 15); упоминание Тарсиса в «манифесте» СМОГа нашло отражение и в советской прессе, см.: Стурга 1966). «Идейным и организационным наставником» СМОГа называет Тарсиса и секретарь ЦК ВЛКСМ С. П. Павлов в записке в ЦК КПСС 8 декабря 1965 года (Зубарев и др. 2005: 94).

33 О том, что «приезжал Бродский», вспоминает и подруга Губанова Алена Баилова (см.: Сурикова 2013: 82).

34 Интервью О. А. Суриковой с Ю. М. Кублановским (Там же: 86).

Как видно по воспоминаниям Сергеева, спустя немногим более полугода на выступлении Бродского в Союзе писателей дружелюбность сменяется открытой враждебностью — судя по воспоминаниям Голышева, полемика Губанова с Бродским шла по линии поэтического «новаторства»: «один из „смогов“ начал говорить, что, мол, мы это слышали, это вроде Ахматовой» (Полухина 2006: 169). В отличие от «лианозовцев» и Бродского, поэтики Бродского и Губанова не принадлежат к несопоставимым эстетическим системам, предполагающим, с одной стороны, «новый язык»/«новаторство», а с другой — «традиционализм»/«эпигонство». Стихи некоторых из смогистов открыто заявляют о подражании Бродскому, как, например, «Вариация на ритмическую тему Иосифа Бродского» Батшева (1966: 6). Трудно, таким образом, не согласиться с суждением о том, что неприятие Губанова «отчасти могло быть вызвано ревностью к „посленоринской“ популярности Бродского» (Журбин 2020: 142)³⁵.

Поэт с явными амбициями лидера, Губанов имел в своем «активе» «спродюсированную» Евгением Евтушенко публикацию в журнале *Юность*³⁶ и два стихотворения в коллективном сборнике *Час поэзии* (М.: Молодая гвардия, 1965)³⁷, однако после этого печатался исключительно в самиздате (с последующей републикацией на Западе без его ведома и участия). Эта тенденция была отражением общей радикализации общественной позиции СМОГа, все ближе блокировавшегося с нарождающейся открытой политической оппозицией советскому режиму.

Несмотря на желание большинства членов группы оставаться в своей деятельности пределах искусства, как справедливо отмечает А. Ю. Даниэль, «способ реализации ими свободы творчества — как сказали бы позднее, „явочным порядком“, а также публичность их

35 Характерно также, что среди ленинградцев близкий контакт со СМОГом поддерживали т. н. «поэты „Малой Садовой“» (Александр Миронов, Владимир Эрль), принадлежавшие к части ленинградского литературного мира, относившейся к Бродскому с отчуждением, если не с враждебностью; см. воспоминания Эрля: «23 ноября 1966 года я читал в ЛИТО Союза писателей. На обсуждении меня разгромили. Особенно старался Бродский» (Валиева 2019: 27).

36 Губанов, Леонид: «Художник», в: *Юность* 6, 1964, 68.

37 Составителями этого сборника были В. Кудряшова и Л. Румарчук; не путать с одноименной антологией стихотворений для детей, составленной Г. Сапгиром и выпущенной в том же году в том же издательстве.

литературной деятельности сближали смогистов с такими принципиальными оппонентами советской системы, как В. Буковский или Ю. Галансков» (Зубарев и др. 2005: 14).

К середине 1966 года — времени столкновения Бродского и Губанова на чтении в СП СССР — радикальная политизированность смогистов, вместе с Галансковым, Буковским и другими будущими героями диссидентского движения в СССР готовивших первую в Москве после 1927 года публичную политическую демонстрацию 5 декабря 1965 года с требованием гласного и справедливого суда над Синявским и Даниэлем, не вызывала сомнений. Позиция (и в связи с ней поэтика) Бродского, настроенного после освобождения на ограниченную известными условиями инкорпорацию в систему советской литературы и, во всяком случае, использование предоставляемых ею возможностей выхода к аудитории — выразившаяся, в частности, в самом факте чтения им в помещении Союза писателей СССР — воспринималась СМОГом как «конформистская»; именно в этом, по большей части внелитературном, контексте следует понимать упреки ему Губанова в послушном следовании в русле «традиции» (пусть в данном случае и ахматовской).

В восприятии Бродского «стилистические разногласия» (используя известное выражение А. Д. Синявского) со смогистами (для Бродского, в свою очередь, была, несомненно, очевидна незрелость литературных дарований составлявших группу молодых авторов) и со знакомым ему со времен площади Маяковского Галансковым³⁸ (чья поэтика инерционно наследовала поэтике Маяковского, но с противоположным идеологическим знаком³⁹) неизбежно должны были соединяться с радикализмом политического вектора их развития — в сторону от легальности и, неизбежно, от сколько-нибудь широкого читателя.

38 По сообщению М. С. Сергиенко, она познакомила Бродского и Галанскова в начале декабря 1961 года. Благодарим Г. Г. Суперфина за содействие в получении этой информации.

39 См. о Галанкове-поэте: «<...> он не чувствовал настоящего призвания к поэзии, по его словам, его всегда интересовала не художественная, а социальная сторона искусства» (Литвинов 1971: 12). В 1980 году Галансков попал в число «малозначимых и нехарактерных» поэтов, не включенных К. К. Кузьминским в его обширную *Антологию новейшей русской поэзии У Голубой Лагуны* (см.: [Кузьминский] 1980: 39).

В 1966–1967 годах этот вектор был, в целом, противоположен его собственному — Бродский продолжал бороться за выход книги стихотворений в Ленинградском отделении «Советского писателя», успешно, казалось бы, минуя необходимые для этого стадии «апробации» своих текстов путем публикации их в «молодежном» и «городском» коллективных поэтических сборниках (*Молодой Ленинград 1966* и *День поэзии 1967*), выступал публично и, как видно на примере попытки принять участие в телепрограмме, стремился к расширению аудитории.

В апреле 1967 года, беседуя в Москве со Стэнли Кьюницем, Бродский рассматривает публикации в ленинградских коллективных стихотворных сборниках как обнадеживающий знак того, что его книга будет издана. Трудности с выходом он объясняет эстетическим «консерватизмом» издателей, подчеркнуто отрицая наличие политических проблем вокруг своей фигуры: «Я поэт, а не мятежник. Политических стихов я не пишу», — говорит он (Kunitz 1967). В ситуации весны 1967 года, после фактического разгрома СМОГа годом ранее и ареста в январе 1967 года (в рамках так называемого «дела четырех») Юрия Галанскова и Александра Гинзбурга, бывшего редактора самиздатского поэтического журнала *Синтаксис*, впервые опубликовавшего стихи Бродского, такая декларация не могла не восприниматься как полемически заостренная по отношению ко всем упомянутым.

Существенно, однако, что в 1968 году, после категорического отказа Бродского от требований осудить своих зарубежных издателей, повлекшего за собой запрет его готовившейся книги со стороны КГБ⁴⁰, и кардинального решения поэта о смене медиума для выхода к читателю — вместо «Советского писателя» теперь таковым должен был стать западный издатель,⁴¹ — его позиция относительно политически

40 В отличие от позиции государственных органов, настаивавших на учете выводов комиссии по проверке дела Бродского, признавшей в декабре 1964 года неправомерность его осуждения по указу о «тунеядцах», освобождение Бродского было воспринято КГБ как проигрыш. Квалификация Бродского как потенциального «изменника Родины» (план побега через границу с использованием угнанного самолета) сохранялась за ним в КГБ все советские годы и фактически определила блокирование госбезопасностью его писательской карьеры (подробнее см.: Морев 2026: 219–220 и др.).

41 В конце июня 1968 года Бродский принял решение опубликовать на Западе две книги — оригинальный сборник на русском языке (*Остановка в пустыне*) и книгу

ангажированной литературы и тесно связанного с ней правозащитного движения не изменилась. Как мы уже отмечали (Морев 2026: 232), именно принципиальным нежеланием оказаться в контексте шедшей с начала 1968 года и затронувшей ближайший дружеский круг Бродского беспрецедентно широкой и гласной подписной кампании в защиту осужденных в январе Гинзбурга и Галанскова⁴² продиктована оговорка Бродского о том, что заявление в Секретариат ЛО СП РСФСР от 11 июля 1968 года написано им в «единственном экземпляре» (Морев 2026: 204). Более того, один из центральных пунктов заявления, гласивший, что «[...] вредным и нетерпимым является искусственное замалчивание чьего-либо творчества, ибо это создает удушливую обстановку подпольщины и скандала. Чем дольше существует такое положение, тем труднее от него избавиться не только его жертвам, но и его создателям» (Там же: 203) — должен быть сопоставлен с публицистическим текстом Галанскова, вошедшим в составленный им осенью 1966 года самиздатский альманах *Феникс 66* (включавший и тексты смогистов) и получившим широкое хождение в самиздате. Мы имеем в виду «Открытое письмо депутату XXIII съезда КПСС М. Шолохову».

В письме Шолохову Галансков неоднократно делает акцент на противопоставлении «официальной» (публикуемой типографски) литературы и литературы «подпольной» — причем ценностью наделяется исключительно последняя:

Если хотите знать, в России шестидесятых годов машинописная перепечатка лучших образцов современной отечественной литературы достигла, вероятно, беспрецедентных масштабов. Как раз подпольная литература, т. е. официально не опубликованная, начиная от неопубликованных писателей двадцатых годов и кончая произведениями А. Синявского и Ю. Даниэля, имеет для нашей национальной культуры первостепенное и *единственное* значение. И, наоборот, вся опубликованная советская литература (исключая случайную публикацию некоторых единичных произведений) для пробуждения национально-

избранных переводов — и приступил к реализации этого плана в сотрудничестве с переводчиком Джорджем Клайном.

42 Ее материалы см.: Литвинов 1971: 265–355.

го самосознания и национальной культуры никакого положительного значения не имеет⁴³.

(Самокиш 1994: 77–78)

В конце текста Галансков аттестует себя как «подпольного литератора в смысле человеческого подполья, как оно выявлено в произведениях Ф. М. Достоевского» (Там же: 83) — при этом общая высоко-пафосная гражданственная интонация открытого письма Шолохову мешает увидеть здесь долю авторской самоиронии. Принимая во внимание ставшую общим местом связь Достоевского и «поэтики скандала», нельзя не заметить, что объединившая «подпольщину» и «скандал» характеристика Бродским атмосферы, сложившейся в СССР вокруг оппозиционной власти культуры к 1968 году, учитывает, таким образом, автохарактеристики и ценностные установки ее лидеров.

Дистанцируясь в заявлении в Секретариат ЛО СП РСФСР от любых форм нелегальной деятельности, Бродский призывает к исправлению сложившейся вокруг него ситуации, препятствующей выходу его стихов к читателям, обращаясь не к политизированным либеральным принципам свободы печати, но к этическим установкам, в частности, связанным с Ахматовой, в подражании которой его упрекал Губанов. Не названная по имени, она обозначена автором с помощью цитаты: «[...] во имя здравого смысла, во имя той пользы, которую, я уверен, принесут читателю поэзии мои произведения, во имя, наконец, добрых нравов литературы, я настаиваю на том, чтобы с существующим положением было покончено» (Морев 2026: 204).

Как известно, «добрые нравы литературы» — одно из устойчивых выражений Ахматовой, использовавшееся ею для апелляции к нормам литературной этики⁴⁴. Насильственное лишение автора читательской аудитории, искусственное выдавливание его в «удушливую» марги-

43 Курсив наш. — Г. М.

44 См., например: «Когда ей позвонили из „Литературной газеты“, чтобы объяснить, что ради опубликования стихов Берггольц, которые оказались более актуальными, они вынуждены перенести стихи Ахматовой в другой номер, она, не дав договорить, отрубил: „Я никому не собираюсь перебежать дорогу, я знаю, что такое добрые нравы литературы“, — и повесила трубку» (Найман 1989: 43).

нальность, по Бродскому, нарушают естественные механизмы функционирования словесности.

В носящем характер манифеста заявлении Бродского цитата из Ахматовой в целом имплицитно воспринятый от нее Бродским кодекс поведения⁴⁵. Органической его частью было представление о «надполитическом» статусе Поэта («выше политики и всего»⁴⁶). С начала 1920-х годов Ахматова сопротивлялась попыткам использования своих текстов как инструментов в политической борьбе⁴⁷; по тем же, в общем, соображениям в 1964–1965 годах она возражала и против публикации стихов Бродского на Западе⁴⁸. Именно к ее установкам восходит «антиполитическая» позиция Бродского, усиленная во второй половине 1960-х годов эстетическими и личностными расхождениями с виднейшими представителями советской оппозиционной культуры и в эмиграции сформулированная им в виде *bon mot*: “The only thing politics and poetry have common is the letter *p* and the letter *o*” ([Heaney/Brodsky] 1985).

Решение открыто (под своим именем и без оговорок о неавторизованном характере публикаций) печататься на Западе никак не сказалось на стремлении Бродского идти избранным «третьим» путем: готовя в 1968–1969 годах для издания в Нью-Йорке сборник *Остановка в пустыне*, Бродский, сопротивляясь внешним обстоятельствам, навязывавшим ему «политические» амплуа или «раба» или «врага»

45 «Ахматова <...> оказала большое влияние на Бродского — в том смысле, как он себя держит», — свидетельствовала Н. Я. Мандельштам (Тисли Проффер 2015: 38).

46 Запись Ахматовой 1962 года (цит. по: Тименчик 1989: 22). Ср. также с удовлетворением занесенный Ахматовой в записную книжку отзыв М. А. Зенкевича о *Поэме без героя* — «Это поверх политики» (1961; Суворова 1996: 134).

47 См.: Морев 2026: 148–149. Ср. также, например, запись Ахматовой 1961 года, полемизирующую с прямолинейным «политическим» толкованием Георгием Ивановым стихотворения «Все расхищено, предано, продано...» (1921), в которой она настаивает на том, что метафоры этого текста есть «образы душевного просветления и никакого отношения к политике не имеют» (Суворова 1996: 147).

48 См.: Морев 2026: 147–154.

государства⁴⁹, демонстративно — и в подборе текстов⁵⁰, и в санкционированном им предисловии Анатолия Наймана — лишает свою книгу всех признаков актуальной политической ангажированности, даже, казалось бы, неизбежных — так, ссылка Бродского именовалась в ней «периодом жизни, далеким от литературы»⁵¹. Дополнительную смысловую нагрузку этот авторский жест приобретал на фоне изданного пятью годами ранее без ведома Бродского сборника *Стихотворения и поэмы* с намеренно политизированным предисловием Г. П. Струве («Поэт-„тунеядец“ — Иосиф Бродский»).

Эта принципиальная «равноудаленность» Бродского и от официоза, и от оппозиционной общественно-политической активности, сколько можно судить, уникальна в своей последовательности. Литераторы близкого Бродскому круга, в середине 1960-х годов, несмотря на критическое отношение к существовавшей в СССР политической системе и цензурные трудности, настроенные (как и Бродский) на социальную профессионализацию в рамках советской литературной практики (через вступление в профгруппу и/или СП СССР) с начала 1968 года принимают (в отличие от него, как уже отмечалось выше) участие в подписной кампании в защиту преследуемых властями (в частности, по «делу четырех») активистов⁵². Характерен случай будущего составителя самиздатского собрания произведений Бродского В. Р. Марамзина, с 1962 года (как и Бродский) публиковавшегося в советской печати, «с 1965 г. — члена профсоюзной группы литераторов при Ленинградском отделении издательства „Сов. Писатель“» (Чалидзе

49 «[...] почти всякое государство видит в своем подданном либо раба, либо — врага» (Бродский 2001: VII, 63); впервые в переводе Карла Проффера: "Says poet Brodsky, ex of the Soviet Union: 'A writer is a lonely traveler, and no one is his helper'" (The New York Times Magazine. 1972. Oct 1. P. 11).

50 Бродский не включил в сборник тексты, содержащие прямые политические суждения или могущие быть истолкованными в политическом смысле, — «Речь о пролитом молоке» (1967) и «Письмо генералу Z» (1968).

51 Н. Н. [Найман А.] Заметки для памяти (Бродский 1970: 11). Помещенный в книгу текст анонимной (очевидно, издательской) биографической справки о Бродском, содержащий упоминания суда и высылки, не был им авторизован: справка содержит фактическую ошибку, утверждая, что в декабре 1963 года Бродский был арестован (Там же: 5).

52 Среди «подписантов» были Я. А. Гордин, Б. Б. Вахтин, В. Н. Корнилов, В. П. Голышев, Т. Венцлова и др.

1976: 93). Марамзин, от имени обозначенной нами выше референтной группы заявлявший: «[...] я и мои ленинградские друзья всегда огорчением смотрели на писателей, которые позволили использовать себя в политической возне» (Там же: 85), — в январе 1966 года написал отчасти отражавший эту позицию «металитературный» рассказ «Тяни-толкай», где в сатирическом свете изобразил не только сотрудников органов госбезопасности и советские цензурные механизмы, но и современного писателя, стремящегося во что бы то ни стало к созданию «непечатных» текстов, «для которого притягательна игра опасностью сама по себе, без нужды» (Марамзин 1976: 40). С 1968 года позиция Марамзина радикализируется — он подписывает открытое коллективное письмо с требованием пересмотра приговора по «делу четырех»⁵³, участвует в распространении политического самиздата, передает рукописи на Запад. 12 марта 1974 года против него возбуждают уголовное дело по обвинению в том, что «в период с 1967 по 1974 г.г. Марамзин в целях ослабления советской власти хранил, изготовлял и распространял клеветнические материалы, порочащие советское общество» (Чалидзе 1976: 94), и, после покаяния в печати⁵⁴, 21 февраля 1975 года осуждают на пять лет колонии строгого режима условно, стимулируя к выезду из СССР.

Модель публичного литературно-общественного поведения Бродского в 1965–1972 годах — при всем свойственном ему, по воспоминаниям современников, крайнем антисоветизме⁵⁵ — может быть названа, вслед за ахматовской, «осторожной»⁵⁶ и преследует цель избежать опи-

53 См.: Литвинов 1971: 303.

54 См.: «Vladimir Maramzine „regrette d'avoir causé un préjudice à l'État soviétique“», в: *Le Monde*, 13 février 1975, 5; Михайлов, В. «Когда наступает прозрение», в: *Ленинградская правда*, 21 февраля 1975, 3.

55 К приведенным нами свидетельствам на эту тему (см.: Морев 2026: 310–313) добавим здесь колоритное воспоминание М. Б. Мейлаха: «[...] вернувшись в 1969 году из ялтинского (или коктебельского) Дома творчества писателей, который „в несезон“ Литфонд заполнял случайной публикой, он рассказал, что, когда в столовой, где он сидел за столом с шахтерами, кто-то стал жаловаться на жизненные трудности, закончив речь вопросом „Когда же наконец у нас будет нормальная жизнь?“, Бродский ответил: „Когда над Кремлем будет звездно-полосатый флаг“» (Мейлах 2019).

56 Ср. в дневниковой записи Ю. Г. Оксмана 13 октября 1959 года: «Обычно Анна Андр[еевна] очень осторожна в своих политических высказываниях, даже когда говорит о своей страшной судьбе, о пройденных годах нищеты, травли, тревог за Леву» (Зайцев

санного выше (или подобного ему) сценария лобового столкновения с государственной машиной. По мысли Бродского, позиция «врага» государства (равно как и позиция «раба») неизбежно лишает писателя независимости (доминирующей в персональной аксиологии Бродского⁵⁷), превращая в итоге в лишенную агентности жертву — положение, которого он, усвоив ахматовскую идеологию и метафорику «победительности» Поэта («Слово о Пушкине», 1961), со времени высылки в Норинскую стремится избежать сам⁵⁸, а в дальнейшем предписывает избегать и другим, в том числе виднейшим актерам тогдашней политической оппозиции советскому режиму. Так, по воспоминаниям Т. М. Литвиновой, «в критический момент жизни» ее племянника Павла Литвинова, когда (по-видимому, после выпуска 11 января 1968 года в связи с процессом Галанскова, Гинзбурга и др. обращения «К мировой общественности») тому грозил арест, «Бродский просил ее передать ему пожелание — „не чувствовать себя жертвой“» (цит. по: Мейлах 2018: 836)⁵⁹.

1990: 557). «Очень осторожной» называет Ахматову и Г. П. Струве в письме Б. А. Филиппову от 18 февраля 1965 года (Морев 2026: 153).

57 См. в письме Бродского Я. А. Гордину от 13 июня 1965 года: «Будь независим. Независимость — лучшее качество, лучшее слово на всех языках» (Там же: 42).

58 См.: Там же: 118–177. Характерна в этом отношении предпринятая Л. В. Лосевым пострфактум корректировка литературной биографии Марамзина, после ареста и семимесячного заключения выступившего с покаянным заявлением не только в советской, но и в западной печати (см. прим. 54), на суде полностью признавшего вину и фактически прервавшего на двадцать пять лет (до конца 1990-х годов) писательскую деятельность, о чем им и было заявлено в последнем слове: «Я много думал, я знаю теперь, что писать я больше не буду» (Чалидзе 1976: 137). Реальная картина писательской и человеческой катастрофы (тотального поражения) подменяется Лосевым «героическим» мифом, где актер сохраняет достоинство и успешно противостоит государству: «Властям, чтобы сохранить лицо, нужно было, чтобы Марамзин хоть как-то покаялся. Он этого не сделал. Я был в зале, когда Марамзину предоставили последнее слово. Он не признавался ни в каких преступлениях. Он только сказал, очень тихо: „Писать больше не буду“» (Лосев 2004: 141).

59 Симптоматично заявление той же «антиполитической» позиции в сочетании с «пушкинианской» сакрализацией статуса Поэта у Олега Охупкина, единственного из поэтов ленинградской «второй культуры», демонстративно именовавшего себя учеником Бродского («Иосифу Бродскому», 1970) и поддерживавшего с Бродским (с 1967 года до его выезда из СССР) дружеские отношения: «Политика меня, как поэта, не может касаться, ибо это, как заповедал Пушкин, не наше дело. Мы — цари и должны жить одни, как он советовал, т. е. не маршировать в ногу со свиньями. А политика чаще все-

Следствием этой последовательной «осторожности» Бродского стали — холодный прием *Остановки в пустыне* частью русской эмиграции, тесно связанной с идеологическим противостоянием коммунизму⁶⁰, и исключенность его биографических перипетий из правозащитного политического контекста на родине⁶¹. Сюжет «литературного триумфа», реализованный Бродским на Западе, — на фоне трагических обстоятельств его оставшихся в СССР оппонентов (ранней гибели Галанскова в лагере 4 ноября 1972 года и маргинального положения Губанова, выпавшего даже из несоветской печати более чем на десятилетие⁶² и ставшего после смерти в 37-летнем возрасте символом «погибшего литературного поколения»⁶³ 1970-х годов) — ретроспективно скорректировал картину существования будущего нобелиата в советской литературной реальности 1960-х годов, ограничив сферу конфликтности исключительно его контактами с официозом. Нежелание быть «врагом» государства было заслонено равноценным для Бродского 1960-х – начала 1970-х годов нежеланием быть его «рабом». Это упрощенное видение нуждается в уточнениях, позволяющих понять неординарность литературной позиции Бродского в возможно более полном историко-литературном контексте.

Литература

- Азаренков, Антон (2025): «Соперничество, которого не было: Леонид Аронзон и Иосиф Бродский», в: *Новый мир* 11, 199–212.
- Батшев, Владимир (1966): «Стихи», в: *Грани* 61, 5–13.
- Батшев, Владимир (2009): *СМОГ: Поколение с перебитыми ногами*. [Б. м.].

го — свинство. [...] Вот почему мне отвратительна политика в литературных и религиозных журналах» (письмо О. А. Охапкина К. К. Кузьминскому, 1979; Валиева 2022: 408).

60 Морев 2026: 269.

61 Инициированный КГБ выезд Бродского из СССР был проигнорирован правозащитным бюллетенем *Хроника текущих событий*.

62 Первые после 1966 года публикации стихов Губанова в эмигрантской периодике относятся к 1977 году: три стихотворения в тель-авивском журнале *Время и мы* (№ 21; редакция не располагала никакими биографическими данными об авторе) и два — в альманахе *Аполлонъ-77* (Paris, 1977).

63 См.: Седакова 1990: 135–146.

- Бродский, Иосиф (1970): *Остановка в пустыне*. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова.
- Бродский, Иосиф (2001): «Писатель — одинокий путешественник», в: *Сочинения Иосифа Бродского*. Т. VII. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 62–71.
- Бродский, Иосиф (2012): *Стихотворения и поэмы*. Лосев, Лев (вступит. статья, подгот. текста и примеч.). Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома / Вита Нова.
- Валиева, Юлия (сост.) (2019): *Сумерки «Сайгона»*. Санкт-Петербург: Zamizdat.
- Валиева, Юлия (2022): «Концепции периодизации „второй культуры“: Олег Охапкин – Константин Кузьминский», в: Кукуй, Илья (сост.): *На берегах Голубой Лагуны: Константин Кузьминский и его Антология. Сборник исследований и материалов*. Москва/Бостон/ Санкт-Петербург: Academic Studies Press / Библиороссика, 377–433.
- Вдовина, Раиса (1965): «Из книги, которая будет», в: *Литературная Россия*. 10 декабря, 18.
- Гасс, Борис (2012): *Люблю товарищей моих*. [Б. м.]: Книга-Сэфер.
- Грибачев, Николай (1964): «Бегство на Усук», в: *Литературная газета*. 27 июня, 1–2.
- Дробот, Галина / Кривцов, Владимир (1965): «Школа мастерства: Конференция молодых писателей Северо-Запада», в: *Литературная Россия*. 3 декабря, 4.
- Журбин, Андрей (2020): «В алфавитном порядке: Пристрастные рассуждения о Бродском и Губанове», в: *Знамя* 8, 137–146.
- Зайцев, Андрей (1990): «„Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...“ (Набросок портрета Ю. Г. Оксмана по материалам его архива)», в: *Встречи с прошлым*. Вып. 7. Москва: Советская Россия, 525–566.
- Золотоносов, Михаил (2013): *Гадюшник. Ленинградская писательская организация: Избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов)*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Зубарев, Дмитрий и др. (сост.) (2005): *5 декабря 1965 года в воспоминаниях участников событий, материалах самиздата, публикациях зарубежной прессы и в документах партийных и комсомольских*

- организаций и записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС. Москва: Мемориал.*
- Зыкова, Галина / Пенская, Елена (сост. и отв. ред.): *«Живем словом»: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях.* Москва: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Кантемир, Антиох (1956): *Собрание стихотворений.* Гершкович, Зиновий (подгот. текста и примеч.). Ленинград: Советский писатель.
- Кетлинская, Вера (1965): «Начало. Рассказывает секретарь правления ленинградской писательской организации В. Кетлинская», в: *Литературная газета.* 16 ноября, 1.
- Кобрин, Юрий (2012): «Внутри схватки. Беседу вел Ю. Строганов», в: *Литературная Россия.* 10 февраля, 3.
- [Кузьминский, Константин] 1980: «Кого здесь нет», в: Кузьминский Константин / Ковалев Григорий (сост.): *Антология новейшей русской поэзии У Голубой Лагуны.* Т. 1. Ньютонвилл, Мэсс.: Oriental Research Partners, 39–41.
- Кулаков, Владислав (1999): *Поэзия как факт. Статьи о стихах.* Москва: Новое литературное обозрение.
- Литвинов, Павел (сост. и комм.) (1971): *Процесс четырех. Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой.* Амстердам: Фонд имени Герцена, 1971.
- Лосев, Алексей (1980): «Иосиф Бродский: Предисловие», в: *Эхо* 1, 23–30.
- Лосев, Лев (2004): «Отсутствие писателя», в: *Звезда* 8, 138–144.
- Лиходеев, Леонид (1965): «Отраженная гипербола», в: *Комсомольская правда.* 20 июня, 2.
- Марамзин, Владимир (1976): «Тянитолкай. Рассказ с авторским продолжением», в: *Континент* 8, 13–48.
- Мейлах, Михаил (2018): *Поэзия и миф. Избранные статьи.* Москва: Языки русской культуры. 2-е изд.
- Мейлах, Михаил (2019): «Несколько соображений по поводу статьи Глеба Морева», в: *Colta.ru.* 27 сентября. <https://www.colta.ru/articles/literature/22516-po-povodu-statyi-gleba-moreva-o-vyezde-iosifa-brofskogo-iz-sssr> (30.03.2026).
- Морев, Глеб (2026): *Иосиф Бродский: Годы в СССР. Литературная биография.* Москва: Новое литературное обозрение.

- Найман, Анатолий (1989): *Рассказы о Анне Ахматовой*. Москва: Художественная литература.
- Николаев, Сергей (2013): «Подражания Кантемиру в русской поэзии XVIII–XX веков», в: *XVIII век. Сборник 27: Пути развития русской литературы XVIII века*. Кочеткова, Наталья (отв. ред.). Санкт-Петербург: Наука, 387–396.
- Поликовская, Людмила (1997): «Мы предчувствие, предтеча...»: *Площадь Маяковского, 1958–1965*. Москва: Звенья.
- Полухина, Валентина (2006): *Иосиф Бродский глазами современников. Книга вторая (1996–2005)*. Санкт-Петербург: Издательство журнала «Звезда».
- Ранчин, Андрей (2001): *Иосиф Бродский и русская поэзия XVIII–XX веков*. Москва: МАКС-Пресс.
- Самокиш, Г. (ред.) (1994): *Юрий Галансков*. [Сборник]. 2-е изд. Ростов-на-Дону: Приазовский край.
- Седакова, Ольга (1990): «О погибшем литературном поколении — памяти Лени Губанова», в: *Волга* 6, 135–146.
- Сенкевич, Александр (1992): *Показания свидетелей защиты (Из истории русского поэтического подполья 60-х годов)*. Москва: Знание.
- Сергеев, Андрей (1997): *От nibus: Роман, рассказы, воспоминания*. Москва: Новое литературное обозрение.
- СМОГ (1966): «Мы СМОГ!», в: *Грани* 61, 14–17.
- Стуруа, Мэлор (1966): «Мистер Тарсис за границей», в: *Известия*. 17 февраля. (Веч. вып.), 3.
- Суворова, Ксения (сост. и подгот. текста) (1996): *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*. Москва/Torino: Einaudi.
- Сурикова, Ольга (2013): *Русский самиздат 1960—1980-х годов: Судьба поэзии модернистов и ее традиции. Московские творческие объединения и периодические издания*. Дисс. канд. филолог. наук. Москва.
- Тименчик, Роман (1989): «После всего: Неакадемические заметки», в: *Литературное обозрение* 5, 22–26.
- Тисли Проффер, Эллендея (2015): *Бродский среди нас*. Голышев, Виктор (пер. с англ.). Москва: АСТ/Corpus.
- Чалидзе, Валерий (ред.) (1976): *Литературные дела КГБ: Дела Суперфина, Эткинды, Хейфеца, Марамзина*. Нью-Йорк: Хроника Пресс.

- Чуковская, Лидия (2010): *Из дневника. Воспоминания*. Чуковская, Елена (сост.). Москва: Время.
- Чупринин, Сергей (2020): *Оттепель: События. Март 1953 – август 1968 года*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Эдельман, Ольга (2007): «Процесс Иосифа Бродского», в: *Новый мир* 1, 152–167.
- [Brodsky, Joseph / Heaney, Seamus] (1985): “Poetry and Politics: A Conversation between Seamus Heaney and Joseph Brodsky”, in: Magill. October 31. <https://magill.ie/archive/poetry-and-politics-conversation-between-seamus-heaney-and-joseph-brodsky> (30.03.2026)
- Forgues, Pierre (1965): « Police et poésie (L'affaire Brodski) », in: *Esprit* 3/336. Mars, 531–534.
- Kunitz, Stanley (1967): “The Other Country Inside Russia”, in: *The New York Times Magazine*. August 20.
- Sylvester, Richard D. (1975): “The Poem as Scapegoat: An Introduction to Joseph Brodsky’s *Halt in the Wilderness*”, in: *Texas Studies in Literature and Language* 17 (A Special Russian Issue), 303–325.